

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ВСЕ ЛУЧШИЕ
СКАЗКИ И
РАССКАЗЫ

Лев Николаевич Толстой

Все лучшие сказки и рассказы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5008112

Все лучшие сказки и рассказы / Лев Толстой: АСТ: Астрель; Москва;

2013

ISBN 978-5-17-048967-1, 978-5-271-19560-0

Аннотация

В этой книге для семейного чтения собраны лучшие произведения Льва Николаевича Толстого, которые вот уже более века пользуются любовью и у малышей-дошкольников, и у требовательных подростков. Главные герои рассказов – дети, «бедовые», «ловкие», и потому близкие современным мальчишкам и девчонкам. Книгу завершает повесть «Кавказский пленник», в которой суровая правда о войне сочетается с добротой и человечностью. Книга учит Любви – к человеку и ко всему, что его окружает: природе, животным, родной земле. Она добра и светла, как всё творчество гениального писателя.

Содержание

Рассказы про детей	6
Филипок	7
Спорщики	13
Ленивая дочь	15
Старый дед и внучек	17
Косточка	19
Собака Якова	21
Котёнок	24
Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить	27
Девочка и грибы	29
Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город	32
Птичка	34
Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза	39
Пожар	42
Корова	45
Старая лошадь	49
Как я выучился ездить верхом	54
Рассказы о животных и растениях	61
Лев и собачка	62
Старый тополь	65

Лозина	67
Черёмуха	70
Как ходят деревья	72
Деревья дышат	74
Яблони	76
Как волки учат своих детей	79
Зайцы	81
Сова и заяц	83
Булька	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Лев Толстой
Все лучшие
сказки и рассказы

Рассказы про детей

Филипок

Был мальчик, звали его Филипп.

Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

– Куда ты, Филипок, собрался?

– В школу.

– Ты ещё мал, не ходи, – и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на *подённую работу*. Остались в избе Филипок да ба-

бушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой – большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал.

Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

– Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух.

Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что как учитель меня прогонит?» И стал он думать, что ему делать. Назад идти – опять собака заест, в школу идти – учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

– Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

– Ты что? – закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

– Да ты кто?

Филипок молчал.

– Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

– Ну так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

– Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

– Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

– Ну-ка сложи свое имя.

Филипок сказал:

– Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.

Все засмеялись.

– Молодец, – сказал учитель. – Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

– Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

– Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Спорщики

Два человека на улице нашли вместе книгу и стали спорить, кому её взять.

Третий шёл мимо и спросил:

– Кто из вас умеет читать?

– Никто.

– Так зачем вам книга? Вы спорите всё равно, как два плешивых дрались за гребень, а самим чесать нечего было.

Ленивая дочь

Мать с дочерью достали бадью воды и хотели несть в избу.
Дочь сказала:

– Тяжело нести, дай я воды солью немного.

Мать сказала:

– Сама дома пить будешь, а если сольёшь, надо будет идти в другой раз.

Дочь сказала:

– Я дома не буду пить, а тут на весь день напьюсь.

Старый дед и внучек

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то,

что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят – сынишка их на полу дощечками играет – что-то слаживает. Отец и спросил:

– Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

– Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

Косточка

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда.

Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она

сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

– А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

– Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

– Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

– Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

– Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Собака Якова

У одного караульщика была жена и двое детей – мальчик и девочка. Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет. У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами.

Один раз караульщик пошёл в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку.

Жена сказала:

– Дети, не ходите в лес, – а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре:

– Пойдём в лес, я вчера видел яблоню, и на ней поспели яблоки.

Девочка сказала:

– Пойдём.

И они побежали в лес.

Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было.

Муж пришёл домой и спросил:

– Где дети?

Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик побежал искать детей.

Вдруг он услышал, что визжит собака. Он побежал туда и увидал, что дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызёт её. Караульщик схватил топор и убил волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать.

Вдруг они услышали, что собака визжит у двери. Они вышли на двор и хотели впустить собаку в дом, но собака была вся в крови и не могла ходить.

Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула; а она умерла.

Котёнок

Были брат и сестра – Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали – над головой что-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала:

– Нашёл? Нашёл?

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

– Нашёл! Наша кошка... И у неё котята; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, иг – рали с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка. Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» – и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того, чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак.

Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить.
Она сказала:

– Ты ещё мала, ты только пальцы наколешь.

А я всё приставала. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать. Я стала шить, но не могла делать ровных стежков: один стежок выходил большой, а другой попал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня:

– Что ты?

Я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть.

Когда я легла спать, мне всё мерещились стежки; я всё думала о том, как бы мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь.

А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

Девочка и грибы

Две девочки шли домой с грибами.

Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что *машина* далеко, слезли на насыпь и по-шли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая – перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре:

– Не ходи назад!

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велют бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткну-лась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было

силы.

Старшая девочка кричала:

– Брось грибы!

А маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что случилось с девочкой.

Когда поезд прошёл, все увидали, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на колени, собрала грибы и побежала к сестре.

Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город

Собрался батюшка в город, а я ему говорю:

– Батя, возьми меня с собой.

А он говорит:

– Ты там замёрзнешь; куда тебя...

Я повернулся, заплакал и пошёл в чулан. Плакал-плакал и заснул.

И вижу я во сне, будто от нашей деревни небольшая дорожка к часовне, и вижу я – по этой дорожке идёт батя. Я догнал его, и мы пошли с ним вместе в город. Иду я и вижу – впереди топится печка. Я говорю: «Батя, это город?» А он говорит: «Он самый». Потом мы дошли до печки, и вижу я – там пекут калачи. Я говорю: «Купи мне калачика». Он купил и дал мне.

Тут я проснулся, встал, обулся, взял рукавицы и пошёл на улицу. На улице ребята катаются на *ледянках* и на салазках. Я стал с ними кататься и катался до тех пор, пока не иззяб.

Только я вернулся и влез на печку, слышу – батя вернулся из города. Я обрадовался, вскочил и говорю:

– Батя, что – купил мне калачика?

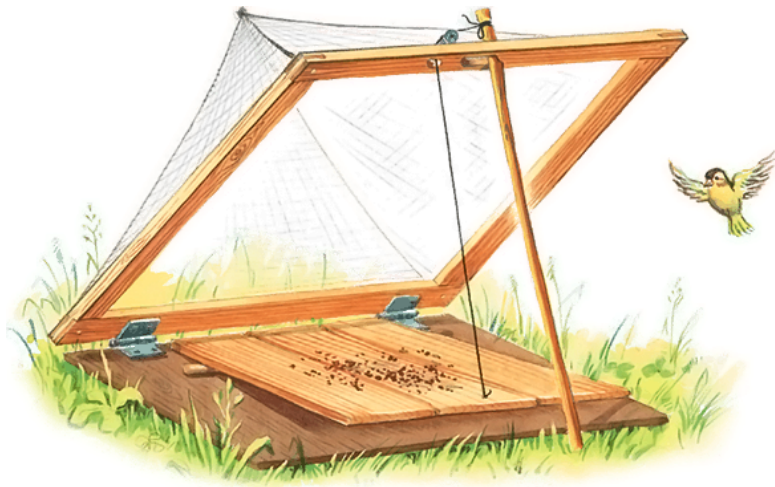
Он говорит:

– Купил, – и дал мне калач.

Я с печи скочил на лавку и стал плясать от радости.

Птичка

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёже сетку, чтобы птиц ловить. Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка, и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка подвернётся, и сетка сама захлопнется. Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку.

Мать говорит:

– Не хороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их

мучить будешь!

– Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить.

Достал Серёжа семя, насыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку. Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда, сетка захлопнулась и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

– Мама! Посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей!..И как у него сердце бьётся!

Мать сказала:

– Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучшепусти.

– Нет, я его кормить и поить буду.

Посадил Серёжа чижа в клетку и два дня сыпал ему семя, и ставил воду, и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменил ему воду. Мать ему и говорит:

– Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучшепусти её.

– Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку.

Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чирик испугался, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за водой. Мать увидела, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему:

– Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!

Не успела она сказать, чирик нашёл дверку, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку. Да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в клетку. Чирик был ещё жив; но лежал на груди, распутивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел, смотрел и начал плакать.

– Мама! Что мне теперь делать?

– Теперь ничего не сделаешь.

Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чирика, а чирик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро ды – шал. Когда Серёжа пошёл спать, чирик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть. Всякий раз, как закрывал глаза, ему представлялся чирик, как он лежит и дышит. Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидел, что чиж уже лежит на спинке, поджал лапки и заостенел.

С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

**Как мальчик рассказывал про
то, как его в лесу застала гроза**

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до лесу, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния, такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птицы и играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шёл дым. Вокруг меня лежали *оскретки* от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка и было немножко больно. Я нашёл свою шапку, взял грибы и побегал домой.

Дома никого не было, я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидел с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал:

– Что вы без меня едите?

Они говорят:

– Что ж ты спишь? Иди скорей, ешь.

Пожар

В *жнитво* мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На неё садились мухи и кусали её. Она закрыла голову полотенцем и заснула.

Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку,

нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на *свясла*.

Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата Кирюшку (ему было полтора года, и он только что выучился ходить), и сказала:

– Глянь, Килюска, какую я печку вздула.

Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу. Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал; Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала.

Старший мальчик Ваня (ему было восемь лет) был на улице. Когда он увидал, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым проскочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка спросонок ошалела и забыла про детей, выско-чила и побежала по дворам за народом.

Маша тем временем сидела под лавкой и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня услышал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше:

– Беги, сгоришь!

Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти. Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть. Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжёл и не давался брату. Он пла-

кал и толкал Ваню. Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну, дверь в избе уже загорелась. Ваня просунул мальчикову голову в окно и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их. Тогда Ваня закричал Маше:

– Тащи его за голову! – а сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили.

Корова

Жила вдова Марья со своей матерью и с шестью детьми. Жили они бедно. Но купили на последние деньги бурую корову, чтоб было молоко для детей. Старшие дети кормили Бурёнушку в поле и давали ей помои дома. Один раз мать вышла со двора, а старший мальчик Миша полез за хлебом на полку, уронил стакан и разбил его. Миша испугался, что мать его будет бранить, подобрал большие стёкла от стакана, вынес на двор и зарыл в навозе, а маленькие стёклышки все

подобрал и бросил в лоханку. Матьхватила стакан, стала спрашивать, но Миша не сказал; и так дело осталось.

На другой день после обеда пошла мать давать Бурёнушке помой из лоханки, видит – Бурёнушка скучна и не ест корма. Стали лечить корову, позвали бабку. Бабка сказала:

– Корова жива не будет, надо её убить на мясо.

Позвали мужика, стали бить корову. Дети услышали, как на дворе заревела Бурёнушка. Собрались все на печку и стали плакать.

Когда убили Бурёнушку, сняли шкуру и разрезали на части, у ней в горле нашли стекло. И узнали, что она издохла от того, что ей попало стекло в помоях.

Когда Миша узнал это, он стал горько плакать и признался матери о стакане. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала:

– Убили мы свою Бурёнушку, купить теперь не на что. Как проживут малые дети без молока?

Миша ещё пуще стал плакать и не слезал с печи, когда ели студень из коровьей головы. Он каждый день во сне видел, как дядя Василий нёс за рога мёртвую, бурую голову Бурёнушки с открытыми глазами и красной шеей.

С тех пор у детей молока не было. Только по праздникам бывало молоко, когда Марья попросит у соседей горшочек.

Случилось, барыне той деревни понадобилась к дитяти няня. Старушка и говорит дочери:

– Отпусти меня, я пойду в няни, и тебе, может, бог помо-

жет одной с детьми управляться. А я, бог даст, заслужу в год на корову.

Так и сделали. Старушка ушла к барыне. А Марье ещё тяжелее с детьми стало. И дети без молока целый год жили: один кисель и *тюрю* ели и стали худые и бледные.

Прошёл год, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей.

– Ну, дочка! – говорит. – Теперь купим корову.

Обрадовалась Марья, обрадовались все дети. Собрались Марья со старухой на базар покупать корову. Соседку попросили с детьми побыть, а соседа дядю Захара попросили с ними поехать, выбирать корову. Помолились богу, поехали в город.

Дети пообедали и вышли на улицу смотреть: не ведут ли корову. Стали дети судить, какая будет корова – бурая или чёрная. Стали они говорить, как её кормить будут. Ждали они, ждали целый день. За версту ушли встречать корову, уж смеркаться стало, вернулись назад. Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса идёт пёстрая корова, за рога привязана, и идёт сзади мать, хворостиной подгоняет. Подбежали дети, стали смотреть корову. Набрали хлеба, травы, стали кормить.

Мать пошла в избу, разделась и вышла на двор с полотенцем и подойником. Она села под корову, обтёрла вымя. Господи, благослови! – стала доить корову; а дети сели кругом и смотрели, как молоко брызнуло из вымя в край подойника

и засвистело у матери из-под пальцев. Надоила мать полови-
ну подойника, снесла на погреб и отлила детям горшочек к
ужину.

Старая лошадь

У нас был старый старик, Пимен Тимофеич. Ему было девяносто лет. Он жил у своего внука без дела. Спина у него была согнутая, он ходил с палкой и тихо передвигал ногами. Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда он ходил и когда говорил, он шлёпал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

Нас было четыре брата, и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить: эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат.

Он долго ездил; ездил на гумно и кругом сада, и, когда он подъезжал назад, мы закричали:

– Ну, теперь проскачи!

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат, и он ездил долго и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из-под горы. Он ещё хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его.

Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да ещё и по деревне, и шибко проскакал из-под горы к конюшне. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота.

Когда пришёл мой черёд, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо езжу, – стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел идти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а шёл шагом и то всё заворачивал назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил её хлыстом и ногами.

Я старался бить её в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок всё не хотел скакать.

Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

– Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?

Я обиделся и сказал:

– Как же, я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас про-скачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачал головой и сказал:

– Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему двадцать лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Всё равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то через силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко бы было?

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади, и когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощения за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.

Как я выучился ездить верхом

Рассказ барина

Когда жили в городе, мы каждый день учились, только по воскресеньям и по праздникам ходили гулять и играли с братьями. Один раз батюшка сказал:

– Надо старшим детям учиться ездить верхом. Послать их

в манеж.

Я был меньше всех братьев и спросил:

— А мне можно учиться?

Батюшка сказал:

— Ты упадёшь.

Я стал просить его, чтоб меня тоже учили, и чуть не заплакал.

Батюшка сказал:

— Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадёт с лошади, не выучится верхом ездить.

Когда пришла середина, нас троих повезли в манеж. Мы вошли на большое крыльцо, а с большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А под крылечком была очень большая комната. В комнате вместо пола был песок. И по этой комнате ездили верхом господа и барыни и такие же мальчишки, как мы. Это и был манеж. В манеже было не совсем светло и пахло лошаадьми, и слышно было, как хлопают бичами, кричат на лошадей, и лошади стучат копытами о деревянные стены.

Я сначала испугался и не мог ничего рассмотреть. Потом наш дядька позвал *берейтора* и сказал:

— Вот этим мальчишкам дайте лошадей, они будут учиться ездить верхом.

Берейтор сказал:

— Хорошо.

Потом он посмотрел на меня и сказал:

– Этот мал очень.

А дядька сказал:

– Он обещает не плакать, когда упадёт.

Берейтор засмеялся и ушёл.

Потом привели трёх осёдланных лошадей; мы сняли шинели и сошли по лестнице вниз в манеж, берейтор держал лошадь за *корду*, а братья ездили кругом него.

Сначала они ездили шагом, потом рысью. Потом привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвост у неё был обрезан. Её звали Червончик. Берейтор засмеялся и сказал мне:

– Ну, кавалер, садитесь.

Я и радовался, и боялся, и старался так сделать, чтоб никто этого не заметил. Я долго старался попасть ногою в стремя, но никак не мог, потому что я был слишком мал. Тогда берейтор поднял меня на руки и посадил. Он сказал:

– Не тяжёл барин – *фунта* два, больше не будет.

Он сначала держал меня за руку; но я видел, что братьев не держали, и просил, чтобы меня пустили. Он сказал:

– А не боитесь?

Я очень боялся, но сказал, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончик всё поджимал уши. Я думал, что он на меня сердится.

Берейтор сказал:

– Ну, смотрите ж, не падайте! – и пустил меня.

Сначала Червончик ходил шагом, и я держался прямо. Но

седло было скользкое, и я боялся свернуться.

Берейтор меня спросил:

– Ну, что, утвердились?

Я ему сказал:

– Утвердился.

– Ну, теперь рысцой! – и берейтор защёлкал языком.

Червончик побежал маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я всё молчал и старался не свернуться на бок.

Берейтор меня похвалил:

– Ай да кавалер, хорошо!

Я был очень этому рад.

В это время к берейтору подошёл его товарищ и стал с ним разговаривать, и берейтор перестал смотреть на меня.

Только вдруг я почувствовал, что я свернулся немножко на бок седла. Я хотел поправиться, но никак не мог. Я хотел закричать берейтору, чтоб он остановил, но думал, что будет стыдно, если я это сделаю, и молчал. Берейтор не смотрел на меня. Червончик всё бежал рысью, и я ещё больше сбилсся на бок. Я посмотрел на берейтора и думал, что он поможет мне; а он всё разговаривал со своим товарищем и, не глядя на меня, приговаривал:

– Молодец, кавалер!

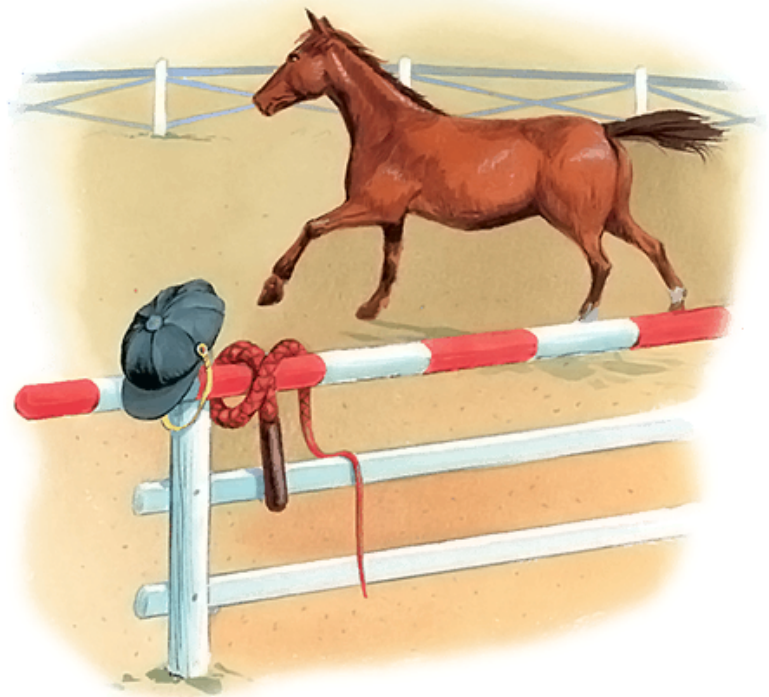
Я уже совсем был на боку и очень испугался. Я думал, что я пропал. Но кричать мне стыдно было.

Червончик тряхнул меня ещё раз, я совсем соскользнул и упал на землю. Тогда Червончик остановился, берейтор оглянулся и увидал, что на Червончике меня нет. Он сказал: – Вот-те на! Свалился кавалер мой, – и подошёл ко мне. Когда я ему сказал, что не ушибся, он засмеялся и сказал: – Детское тело мягкое.

А мне хотелось плакать.

Я попросил, чтобы меня опять посадили, и меня посадили. И я уж больше не падал.

Так мы ездили в манеже два раза в неделю, и я скоро выучился ездить хорошо и ничего не боялся.

Рассказы о животных и растениях

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям. Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощерился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощерился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг

подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Старый тополь

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял работников с топорами и лопатами и сам стал работать с ними в саду. Мы вырубали и вырезывали сушь и дичь и лишние кус ты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другие деревья тополь и черёмуха. Тополь идёт от корней, и его нельзя вырыть, а в земле надо вырубать корни. За прудом стоял огромный, в два обхвата, тополь. Вокруг него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велел их рубить: мне хотелось, чтобы место было весёлое, а главное, – мне хотелось облегчить старый тополь, потому что я думал: все эти молодые деревья от него идут и из него тянут сок. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мне иногда жалко становилось смотреть, как рубили под землёю их сочные корни, как потом вчетвером мы тянули и не могли выдернуть надрубленный тополёк. Он изо всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: «Видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь». Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот. Когда я рубил их, старый тополь уже умирал. Когда распустились листья, я увидал (он расходился на два сука), что один сук был голый; и в то же лето он засох. Он давно уже умирал и знал это и передал свою жизнь в от-

ростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хотел его облегчить
– и побил всех его детей.

Лозина

На Святой пошёл мужик посмотреть – оттаяла ли земля? Он вышел на огород и колом ощупал землю. Земля раскисла. Мужик пошёл в лес. В лесу на лозине уже надулись почки. Мужик и подумал:

«Дай обсажу огород лозиной, вырастет – защита будет!»

Взял топор, нарубил десяток лозиннику, затесал с толстых концов кольями и воткнул в землю.

Все лозинки выпустили побеги вверх с листьями и внизу под землёю выпустили такие же побеги вместо корней; и одни зацепились за землю и принялись, а другие неловко

зацепились за землю кореньями – замерли и повалились.

К осени мужик порадовался на свои лозины: шесть штук принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и две только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсем пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревом. По вёснам пчёлы гудьмя гудели на лозине. В роёвщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали их. Бабы и мужики часто завтракали и спали под лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали из неё прутья.

Мужик – тот, что посадил лозину, давно уже умер, а она всё росла. Старший сын два раза срубал с неё сучья и топил ими. Лозина всё росла. Обрубят её кругом, сделают шишку, а она на весну выпустит опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежних, как вихор у жеребёнка.

И старший сын перестал хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистом поле. Чужие мужики ездили, рубили её – она всё росла. Грозой ударило в лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвела. Один мужик хотел срубить её на колоду, да бросил: она была дюже гнила. Лозина свалилась набок и держалась только одним боком, а всё росла, и всё каждый год прилетали пчёлы обирать с её цветов поноску.

Собрались раз ребята рано весной стеречь лошадей под лозину. Показалось им холодно; они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Один взлез на лозину, с неё же наломал сучьев. Склали они всё в дупло лозины

и зажгли.

Зашипела лозина, закипел в ней сок, пошёл дым, и стал перебегать огонь; всё нутро её почернело. Сморщились молодые побеги, цветы завяли.

Ребята угнали домой лошадей. Обгорелая лозина осталась одна в поле. Прилетел чёрный ворон, сел на неё и закричал:
– Что, издохла, старая кочерга, давно пора было!

Черёмуха

Одна черёмуха выросла на дорожке из орешника и заглушала *лециновые* кусты. Долго думал я – рубить или не рубить её: мне жаль было. Черёмуха эта росла не кустом, а деревом, *вершка* три в отрубе и *сажени* четыре в вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был её запах. Я бы и не срубил её, да один из работников (я ему прежде сказал вырубить всю черёмуху) без меня начал рубить её. Когда я пришёл, уже он врубился в неё *вершка* на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. «Нечего делать, видно, судьба», – подумал я, взял сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело

наискось глубоко всадить топор, и потом напрямик подсечь подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

Я совсем забыл о черёмухе и только думал о том, как бы скорее свалить её. Когда я запыхался, я положил топор, упёрся с мужиком в дерево и попытался свалить его. Мы качнули. дерево задрожало листьями, и на нас закапало с него росой, и посыпались белые, душистые лепестки цветов.

В то же время, точно вскрикнуло что-то, – хрустнуло в середине древа; мы налегли, и как будто заплакало, – затрепало в середине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились.

– Эх! Штука-то важная! – сказал мужик. – Живо жалко!

А мне так было жалко, что я поскорее отошёл к другим рабочим.

Как ходят деревья

Раз мы вычищали на *полубугре* подле пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, потом пришла черёмуха. Росла она на самой дороге и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше десяти лет. А пять лет тому назад я знал, что сад был чищен.

Я никак не мог понять, как могла тут вырасти такая старая черёмуха. Мы срубили её и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черёмуха, даже ещё толще. Я осмотрел её корень и нашёл, что она росла под старой липой.

Липа своими сучьями заглушила её, и черёмуха протянулась *аршин* на пять прямым стеблем по земле; а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил её в корне и подивился тому, как она была свежа и как гнил был корень. Когда я срубил её, мы с мужиками стали её оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли её сдвинуть: она как будто прилипла.

Я сказал:

– Посмотри, не зацепили ли где?

Работник подлез под неё и закричал:

– Да у ней другой корень, вот на дороге!

Я подошёл к нему и увидел, что это была правда.

Черёмуха, чтобы её не глушила липа, перешла из-под ли-

пы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий.

Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила.

Тогда только я понял, как выросла та первая черёмуха на дороге. Она то же, верно, сделала, – но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашёл его.

Деревья дышат

Ребёнок был болен. Он бился, метался, потом затих. Мать думала, что он заснул; посмотрела – а он не дышит.

Она стала плакать, позвала бабушку и говорит:

– Посмотри, у меня ребёночек умер.

Бабушка говорит:

– Погоди плакать, может быть, он только замер, а не умер.

Вот, дай приставим стёклышко к ротику, если отпотеет, значит, дышит и жив.

Приставили стёклышко к ротику. Стёклышко отпотело. Ребёнок был жив.

Он проснулся и выздоровел.

Великим постом была оттепель, да не согнала всего снега, и опять заморозило, и сделался туман.

Рано утром пошёл я по насту в сад. Смотрю – все яблони пёстрые: одни сучки чёрные, а другие точно посыпаны белыми звёздочками. Подошёл я ближе – посмотрел чёрные сучки – все сухие, посмотрел на пёстрые – все живые и все по почкам облипли инеем. Нигде нет инея, только на самых на кончиках почек, на ротиках, там, где раскрываться начали, точно как усы и борода у мужиков обындевеют на морозе.

Мёртвые деревья не дышат, а живые деревья дышат так же, как люди. Мы ртами и носами, они – почками.

Яблони

Я посадил двести молодых яблонь и три года весною и осенью окапывал их, и на зиму завёртывал соломой от зайцев. На четвёртый год, когда сошёл снег, я пошёл смотреть свои яблони. Они потолстели в зиму; кора на них была глянцеви-тая и налитая; сучки все были целы и на всех кончиках и на развилинках сидели круглые, как горошинки, цветочные почки. Кое-где уже лопнули *распушалки* и виднелись алые края цветочных листьев. Я знал, что все распушалки будут цвета-

ми и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернул первую яблоню, я увидел, что внизу, над самой землёю, кора яблони обгрызена кругом по самую древесину, как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню – и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолою и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики – и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где расходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки, и то всё дикие.

Кора у деревьев – те же жилы у человека: чрез жилы кровь ходит по человеку – и чрез кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет. Можно из дерева выдолбить всё нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива – и дерево будет жить; но если кора пропадёт, дерево пропало. Если человеку подрезать жилы, он умрёт, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и берёза засыхает, когда ребята долбят лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали оттого, что мыши объели всю кору

кругом, и соку уже не было хода из корней в сучья, листья и цвет.

Как волки учат своих детей

Я шёл по дороге и сзади себя услышал крик. Кричал мальчик-пастух. Он бежал полем и на кого-то показывал.

Я поглядел и увидел – по полю бегут два волка: один *матерой*, другой молодой. Молодой нёс на спине зарезанного ягнёнка, а зубами держал его за ногу. Матерой волк бежал позади.

Когда я увидел волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидел собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягнёнка, перекинул себе на спину, и оба волка побежали скорее и скрылись из глаз.

Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягнёнка, зарезал его и понёс.

Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягнёнку. Старый отдал нести ягнёнка молодому волку, а сам налегке побежал возле.

Только когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял ягнёнка.

Зайцы

Описание

Зайцы по ночам кормятся. Зимой зайцы лесные кормятся корою деревьев, зайцы полевые – *озимями* и травой, гуменники – хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники – и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги

его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страха метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь – и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь – опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет. Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам, удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Сова и заяц

Смерклось. Стали совы летать в лесу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочил на полянку большой русак, стал охорашиваться.

Старая сова посмотрела на русака и села на сук, а молодая сова говорит:

– Что ж ты зайца не ловишь?

Старая говорит:

– Не по силам – велик русак: ты в него вцепишься, а он тебя уволочёт в чащу.

А молодая сова говорит:

– А я одной лапой вцеплюсь, а другой поскорее за дерево

придержусь.

И пустилась молодая сова за зайцем, вцепилась ему лапой в спину так, что все когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцепиться. Как поволок заяц сову, она уцепилась другой лапой за дерево и думала: «Не уйдёт».

Заяц рванулся и разорвал сову. Одна лапа осталась на дереве, другая на спине у зайца.

На другой год охотник убил этого зайца и дивился тому, что у него в спине были заросшие совиные когти.

Булька

Рассказ офицера

У меня была *мордашка*... Её звали Булькой. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть

так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смиренный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую *перекладную*, как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своём медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не успевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.